

ИСКРА

Центральный Орган Российской Социалдемократической Рабочей Партии.

№ 63.

1-го апреля 1904 г.

Годъ IV.

„А ВСЕ-ТАКИ ДВИЖЕТСЯ“

Наши товарищи-социалдемократы, находящиеся теперь в аутсайской каторжной тюрьме, написали следующее заявление со своим революционным лозунгом:

„Наказуя катастрофы царского правительства стоит во всей своей безобразной наглости. Оно гордится совершить то, что только в состоянии совершить правительство, совершающее восточный деспотизм со служением интересам буржуазии.“

Голод и разорение крестьянских масс; всенародное недовольство, охранное поимки; алкогонизм, как главная статья государственных доходов; армия, флот и шпионство, как главные статьи государственных расходов; казнь, осмысл, тюрьма, каторга, розги; полицейский и чиновный произвол; убийства сотен рабочих (самодеятельность не больше шалит русские жизни, чем враги — японцы); предательство, как систематическая политика в области рабочего вопроса; раздувание безмысленной племенной вражды, извустное натравливание национальностей друг на друга; внутренняя политика, спекулирующая на народное ослепление; грабежи национальных имуществ; вандализм, разорение европейской цивилизации; Финляндия: полное всеобщее политическое рабство, — вот неполный перечень признаков, которыми будут отмечены последние дни царского самодержавия на страницах истории.

„Вынужденная“ война с Японией — его последнее слово: „вынужденная“ — разбойнической внешней политики — в несчастном Китае!

„Товарищи! До нас, оторванных от родины, глухо доходят сведения о том, как относится народ к войне. Мы слышали лишь названные доклады о порывах патристических чувств, о „народных“ манифестациях вѣро-попадничества и шовинизма.“

„И среди этих орги из одного злого сознательности, ни одной нотки революционного протеста.“

„Не в такой момент мы сошли со сцены. Мы видели массы городского пролетариата, тащива тѣлошую ненависть к самодержавию шайки. Мы оставили революционную социалдемократическую накануне действительного сличения во всеобщую политическую партию пролетариата, единую программу, кривую стройной организованности. Перед нами пролегла небывалая смерть стихийных южных стачек. На наших глазах разбойнически обобранные самодержавными головами и задымленные из жерло-палат гражданская беззавра „инославны“ националисты России сочувственно протягивали руку революционному пролетариату, как единственному истинному борцу за национальное освобождение и в нашем случае еще не замолкли отголоски всенародных буревинок — демонстраций.“

„И вот теперь, при этих вѣстах о злобных, адресных манифестациях, восторгах, привѣтствующих войну и ее создателя императора и самодержца Сибирского, царя Никитического и палача Виленского, хищника и душегубца Польского, Армянского, Финляндского, Всероссийского и пр. и пр., — можно подумать, что русский пролетариат превратился в слѣпое стадо баранов. Что война для „урлобного“ царизма новый громоотвод.“

„Мы не знаем, как обстоит дѣло наизуад, и хорошо знаем дѣлу правительственным сообщением. Но все же мы считаем уместным обратиться ко всем товарищам-революционерам с настоящим воззванием.“

„Война выдвигает перед нашей партией важнѣйшую задачу. В этот рѣшительный момент революционная социалдемократия должна стоять на высот своего исторического призвания.“

„В 1877 году правительство легко еще было разить войну в глумный и даже либеральный узор („братя-славяне, освобождение насъ оца и т. д.). Но теперь, когда дѣло идет только о „наших торговых интересах“ то есть о вывозѣ нашихъ купцов, — и вот массовая убийства этой культурной задачи“ официальное фразерство превращает в какую-то ответственную войну.“

„Самой широкой и энергичной агитацией должна социалдемократия освѣтить значение милитаризма и войны, неуступить ни смерти, ни плути, разоблачить истинную волакуду трескучихъ шовинистическихъ фраз. Она должна напомнить, на чьи плечи падаютъ шедрыя жертвы-войны городскихъ дум.“

„На вѣропопадничии манифестациях мы должны отвѣчать поместившими массовыми революционными демонстрациями. Красный флаг мы должны поднять всюду, гдѣ поднимаются „национальные“.“

„На патристически звывания холмоидной прессы объ „интересахъ России на Дальнемъ Востоке“ мы отвлѣмъ языкъ на безчисленные культурныя потребности народа. Демонстрируемъ кривы на рынкахъ капиталистическому Моколу! Долой войну и милитаризм!“

„На чѣловѣконенавистническихъ крикахъ о „врагахъ России“ мы отвлѣмъ возгласомъ: „пролетарии всѣхъ странъ, соединитесь!“

„На официальной шумухе о вѣропопадническихъ чувствахъ, объединяющихъ всѣхъ русскихъ безъ различия национальностей“ мы отвлѣмъ выражениемъ действительного чувства, объединяющего всѣ национальности России. Мы отвлѣмъ: долой самодержавие!“

„Насъ на минуту не покидаетъ глубокая надежда и увѣренность, что могучий голодъ революционного пролетариата открыто на всю Россию провозгласитъ (и, можетъ быть, уже провозгласитъ) свой приговоръ надъ новыми преступными самодержавия. И мы, выбитые изъ строя, дѣлаемъ все, что вь силѣхъ: пусть это воззваніе послужитъ нашей демонстрацией противъ царскаго правительства. Пусть наши голоса присоединятся къ открытому протесту пролетарскихъ массъ России.“

„Долой милитаризмъ! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ международная революционная социалдемократія!“

(Слѣдуетъ подписи).
Февраль 1904 г.
Акутиская Каторжная тюрьма.

Проститъ распространять.“

Когда мы прочитали это воззваніе, намъ прежде всего представились тѣ гонимыя, которыя его авторы навѣстили на свою голову. Русское правительство не церемонится со своими врагами, и у него есть тысяча средствъ для того, чтобы наказать дерзкихъ преступниковъ, осужденныхъ на каторжное рабство, но сохранившихъ въ себѣ безавзвную преданность социалистическому идеалу. И мы спросили себя: хорошо ли мы сдѣлаемъ, напечатать это воззваніе и тѣмъ самымъ усиливъ ослепление царскихъ палачей противъ ихъ политическихъ жертвъ? Но, принявъ въ соображеніе, что наши товарищи „простятъ распространять“ ихъ воззваніе, мы увидѣли себя обязанными исполнить ихъ просьбу.

Ихъ горячее слово имѣетъ значение чрезвычайна плодотворнаго дѣйствія, и у насъ не должно быть такихъ соображеній „осторожности“, которыя позволили бы намъ мыслить эту дѣйствію. Царское правительство можетъ имѣть революционеры, всѣхъ правъ состоянія, но оно не можетъ отнять у него права на самоотверженіе. Къ этому святому праву всѣ мы должны относиться съ безусловнымъ уваженіемъ.

Пожеліе товарищи, находящиеся въ аутсайской тюрьмѣ вмѣстѣ съ русскими авторами воззванія, объявляютъ себя совершенно солидарными съ ними. Они говорятъ:

„Мы, польскіе товарищи, отъ всѣхъ думъ присоединяемъ къ воззванію нашихъ русскихъ товарищей. Мы увѣрены, что рабочие Польши враждебно относятся къ царскому манифесту, и пользуясь случаемъ подчеркнуть полную братскую солидарность пролетариата всѣхъ России, безъ различия национальностей.“

(Слѣдуетъ подписи).

Призывъ выбитыхъ изъ строя героев еще не успѣлъ дойти до ихъ родины, а передовые ростовские пролетарии уже подняли свой голосъ для того же протеста.

На собраніи 120 чел., состоявшемъ въ 20-хъ числахъ марта въ Ростовѣ на Дону, была принята слѣдующая резолюція:

1) Принять во вниманіе, что война является, съ одной стороны, слѣдствіемъ той политики захвата, которую царское правительство всегда вело на Дальнемъ Востоке въ интересахъ буржуазіи, стремящейся къ расширенію вѣнкова рѣйфа и къ беззастѣливой поддержкѣ своего шрества внутри страны и за границей.

2) Что война требуетъ громадныхъ жертвъ: людьми и деньгами отъ народа, влечетъ за собой разореніе крестьянства, усиленіе застоя въ промышленности и безработицу и что эти жертвы не могутъ быть ничѣмъ вознаграждены даже въ томъ случаѣ, если война будетъ облобозана;

3) Что всей своей тѣлостью война ляжетъ несомненно на рабочій классъ и крестьянство, какъ потому, что изъ этихъ слоевъ населенія составляется армія, такъ и потому, что правительство возлагаетъ на эти слои всю тяжесть государственныхъ налоговъ;

4) Что война, возбуждая и раздувая национальную рознь, отвлекаетъ вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ государства и мѣшаетъ росту классового сознанія рабочихъ.

Собраніе протестуетъ противъ войны и признаетъ всѣхъ товарищей какъ борѣхъ противъ самодержавія, которое постоянно измѣняетъ народнымъ интересамъ ради интереса его эксплуататоровъ и собственного самоохраненія.

Выбѣтъ съ тѣмъ, собраніе, признавая, что международная социалдемократія является единственно надежной защитницей мира и братства народовъ, плетъ свой призывъ японскимъ рабочимъ, протестовавшимъ противъ войны и выражающимъ полную увѣренность въ томъ, что ни эта война, ни тѣ осложнения въ международной политикѣ, которыя она можетъ повлечь за собой, не остановятъ роста социалдемократизма.

Да здравствуетъ международное братство народовъ!

Долой войну! Долой царское правительство!“

Одновременно съ ростовскими рабочими, высказались тверские.

Вотъ резолюція, единогласно принятая на собраніи 120 организованныхъ рабочихъ г. Твери, 21 марта (с. с.).

„Мы, организованные тверские рабочие, какъ одинъ изъ отрядовъ Р. С. Д. М. П., единогласно протестуемъ противъ русско-японской войны, натакой самодержавнымъ правительствомъ безъ согласія народа. Мы признаемъ, что эта война ведется во вредъ народу: преждевременная смерть десятковъ тысячъ рабочихъ-кормилцевъ своихъ семействъ, потеря трудоспособности многими изъ оставшихся въ живыхъ, возростаніе налоговъ и разореніе — вотъ что несетъ она и безъ того уже облобозеннымъ массамъ. Мы признаемъ, что эта война ведется въ интересахъ самодержавія и буржуазіи: первое шломо военныхъ дѣйствій хочетъ заглушить все растущее народное недовольство, а вторымъ, въ случаѣ удачнаго исхода войны, можетъ получить новые рынки для сбыта своихъ товаровъ.“

„Какъ одинъ изъ отрядовъ всемирной революционной социалдемократіи, мы протестауемъ братскую руку нашимъ японскимъ товарищамъ социалдемократамъ, и дружно присоединяемъ къ ихъ протесту противъ войны, выходяго только нашимъ правительствамъ и пугаюго для рабочаго класса безъ различія языка и национальности.“

„Мы категорически высказываемся, какъ вообще противъ международныхъ войнъ, такъ въ частности, и противъ русско-японской войны и признаемъ лишь одну непримиримую войну съ нашими врагами — самодержавіемъ и буржуазіей.“

„Долой самодержавіе! Долой войну! Да здравствуетъ международная социалдемократія! Да здравствуетъ Рос. Соц. Дем. Рабочая Партія!“

Когда, накануне франко-прусской войны, французскіе сознательные работники обвинялись въ выраженіи братской солидарности съ итѣльскими социалистическими пролетаріями, Карлъ Марксъ писалъ 27 іюля 1870 г. отъ имени Генеральнаго Совѣта Международнаго Товарищества рабочихъ:

„...Одинъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ официальная Франція и Германія бросаются въ братоубійственную войну, рабочие Франціи и Германіи обвиняются въ миролюбивыхъ и дружественныхъ посыланіяхъ, одинъ этотъ великій фактъ, подобнаго которому нѣтъ въ исторіи прологаго, открываетъ перспективу лучшаго будущаго. Онъ доказываетъ, что людно въ душѣ со старымъ обществомъ, съ его экономическими бѣдствіями и его политическими ухищленіями, встаетъ новое общество, въ которомъ жизнь будетъ основой международныхъ сношеній, потому что его законодательствомъ будетъ правда.“

Эти строки великаго основателя Международнаго научнаго социализма невольно вспоминаются намъ по поводу призыва, посланнаго ростовскими и тверскими пролетаріями своимъ японскимъ товарищамъ. Марксъ былъ правъ. Солидарность социалистическихъ рабочихъ различныхъ странъ въ самомъ дѣлѣ есть великій, безпримѣрный въ исторіи фактъ, открывающій чѣловѣчеству перспективу отдаленнаго будущаго.

Но въ эпоху Международнаго Товарищества Рабочихъ только самые передовые пролетарии самыхъ передовыхъ и самыхъ странъ способны были испытывать чувство этой солидарности. Теперь идея международнаго социализма дошла даже до „крайняго Востока“. И это обстоятельство является однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ въ распространѣніи. Какъ мы ведемъ то искусство, съ которымъ буржуазія оттачиваетъ свои привилегіи, какъ ни вредитъ для пролетариата разладъ, вызванный въ его собственныхъ рядахъ малодушіемъ и робостью мысли такъ называемыхъ ревизионистовъ, а все-таки движется.“

И все таки движется гораздо быстрее, чѣмъ можно было ожидать.“

ГРЯДУЩІЙ КРИЗИСЪ.

Еще не угасла грозная война красная, охватившая русскую промышленность за последние четыре года, какъ уже начинается вѣтъ о новомъ усиленіи экономическаго зстоя. Если продолжится кризисъ, угнетавшій всю хозяйственную жизнь дѣлѣ всего, будетъ безпрѣкисельно турбулентнахъ противорѣчій капиталистическаго способа производства, противорѣчій между быстрымъ развитіемъ производительныхъ силъ и тѣмъ же самымъ буржуазнымъ отношеніемъ собственности, сновывающагося на разлѣтѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что ближайшее обостреніе заставъ является непосредственнымъ слѣдствіемъ войны. Всего два года прошло со времени объявленія войны, а уже могучіе удары въ бокованіе оттаиваютъ на всемъ хозяйственномъ организмѣ страны, и плетъ всего, конечно, на тѣхъ „блѣхъъ работъ“, на плечи которыхъ въ конечномъ счетѣ перекладывается всѣ бѣдствія, всѣ лишения, всѣ завысы современнаго общества.

Немалѣе, конечно, говорятъ о Сибирѣ, всѣхъ торгово-промышленный оборотъ которой въ корнѣ подрыванъ войной. Призывъ запященныхъ, отравившій отъ обычной трудовой жизни цѣлы населенія, конская мобилизація, лишившая крестьянскую рабочую силу, необходимую для работъ и полова продуктовъ въ горюхъ, и, наконецъ, прекращеніе движимыхъ грузовъ по желѣзной дорогѣ, уже успѣвшимъ накопиться на пути, не всѣхъ уклады хозяйственной жизни Сибиря, — все это не могло не сказаться въ рядѣ банкротствъ, дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, безработицѣ. Еще болѣешая „бѣдствія“ грозитъ созданное войной положеніе въ будущемъ. Недостатокъ рабочаго скота съ одной стороны, прекращеніе полова сельскохозяйственныхъ машинъ, съ поразительной быстротой на которыхъ было извѣстно въ обществѣ „железнодорожнаго хозяйства Сибиря“ съ другой, должны до крайности затруднить какъ ли-работку и обсебленіе полей, такъ и сборъ дѣлѣвъ и травъ. Нѣтъ сомнѣнія, что война дѣла сълѣдствіемъ тѣмъ же разсѣленію сибирскаго крестьянства на зажиточную буржуазію и сельскій пролетариатъ, которое уже не со вѣрчающаго для началось и значительно усиливается съ провалѣмъ желѣзной дороги и ростомъ денежнаго хозяйства. Обостреніе этого процесса повлечетъ за собой войны обостреніе острой лишенія, бытующей разореніемъ для массы сельскаго населенія Сибиря.“

Но не только Сибиря ограничиваются, вызванныя войной бѣдствія. Потресокъ кредита, остановка торговли съ Дальнимъ Востокомъ, общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, ухищляющаяся заключеніемъ всѣхъ долгосрочныхъ сделокъ, усиленное наеманіе бумажныхъ денегъ, вѣнующееся закономъ одолеваетъ за стѣбу золотой валюты, — все это вызвало застой въ торговлѣ, а также въ промышленности, въ сѣхъ торговыхъ центрахъ, въ Омскѣ, Тартѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Лондонѣ, Тифлисе. Какъ — отговору сообщаютъ о прекращеніи платежей торговниа (фирма), о сокращеніи экскорта, о застой въ вѣхъ дѣлахъ. Такія же вѣста идутъ и изъ Петербурга, гдѣ особенно отмѣчается почти полное отсутствіе иностранныхъ коммъ воле-работъ, обломанно въ это именно время переполняющихъ всѣ биржевые гостиницы. Область застоя какъ бы колѣнцѣмъ охватываетъ всю Россію и все ближе и ближе возлагается къ ея центру.

Застой въ торговлѣ немедленно же отразился безработицей прежде всего въ плѣхъ рядѣ мелкихъ промысловъ — портняжничества, столярничества, слесарничества и пр. Строительная работа также почти прекратилась, и десятки тысячъ рабочихъ и работниковъ выброшены на улицу и потеряли всѣхъ ухищлемъ безработицы. Съ мелкихъ промысловъ безработица переключилась уже и на крупныя производства. Ученые дѣла, много керосина на востокъ, закрылись иныя заводы въ Якутѣ: грозитъ „сокращеніемъ рабочаго времени и вознагражденіемъ“ (Курьеръ № 38), т. е. попросту говоря, безработицѣ „почти на половину“ сокращенію производства. Подписные фабрики (Нов. гдѣлѣй рядѣ фабрикъ и мастерскихъ прекратили уже работу въ Олестѣ, Тартѣ, Одѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Лондонѣ, Тифлисе, и т. д.). Фабрика, за индустриальными работами, имену „много работъ“, но другимъ же работаютъ вѣхъ издѣлѣмъ днѣ въ плѣхъ и т. д. (Новості № 71); пожелалось уже и Московскія фабрики (въ корнѣ, въ Варшавѣ и въ Олестѣ).“

[illegible]

9 марта отправлен в Архангельскую губ. на три года (в от. Восточной Сибири, из-за войны) «мстный интеллигент» Димбьер. Николаевская полиция в шлоны распространяла слуха о предстоящем погроме, разжигая городскую массу успешно распространяют кришаванское «Знамя», ставя правительственным лейб-орденам в травть евреев. Со стороны евреев: готовятся серьезные самообороны. Организованные и сознательные рабочие составляют вооруженные дружки для защиты еврейской массы.

Революционные изобретения. По сообщению газеты ("Confettio noir", в Зонтоффеке (Бавария) образовалась акционерное общество для эксплуатации патентованного изобретения Гемга. Изобретение это с самого начала вызвало сенсацию в ткацкой промышленности: изъ его заключается в томъ, чтобы дать возможность ткачу, управляющему теперь двумя-тремя станками, управлять пятнами шестью и даже восьмью и еще больше, и при этом, не выходя из станка. Особенно это изобретение ценно изобретение потому, что его легко можно приписать къ всѣмъ нынешнимъ станкамъ. Всѣ другіе приспособленія въ этомъ направленіи не такъ дальне опытовъ, потому что, съ одной стороны, они были очень сложны, съ другой же — примѣненіе ихъ требовало переустройки заново всей фабрики. Способъ же Гемга, какъ уже сказано, легко можетъ быть шпальмовъ примененъ въ настоящее время на каждой фабрицѣ и притомъ съ гораздо меньшими издержками.

Въ гигиеническихъ отношеніяхъ способъ Гемга также представляетъ большія выгоды; такъ, онъ совершенно устраняетъ вредное вѣзданіе нитки при помощи рта въ опасность зараженія рабочими отъ ихъ чихотныхъ тозюрокъ. Многочисленные случаи, какъ въ настоящее время существуютъ, при этомъ нити рвуться въ нѣтъ, и нити не могутъ быть привязаны къ станку.

Примѣненіе же приспособленія къ станкамъ Гемга буржуа-ткацкой фабрики въ Зонтоффеке, вѣроятно, оно будетъ введено и на другихъ крупныхъ фабрикахъ.

[illegible]

Итак же. Наши кулацкие приказчики в свою очередь, не захотели отстать от тифлисских в батумских товарищей, они требовали сокращения рабочего дня и отъезда во воскресенье. Перед стачкой было два агитационных собрания в людных местах. Заранее возник такой вопрос: кто будет за «директора»? Собрание единогласно решило таковых быть и было применено к пяти приказчикам, за невозможностью дойти к ним самим, так же, как в таких случаях надо поддерживать стачку. Но в этот день в батумские магазины, которые, как и всегда, ничего не хотели слышать, — кто ушел, кто остался, никто из нас не хотел слышать. — кто ушел, кто остался наших заводчиков, приказчиков начали уходить дома, только было восемь часов вечера (магазина заперлись в 11-11-14 часов). Хозяева никак не ожидали такой солидарности между приказчиками. Надо было видеть нашу и «ташкентскую» и «башкирскую» с какими интересами собирались в эти дни в батумские магазины, чтобы посмотреть, как будут уходить приказчики. В этот день в батумские магазины и через несколько дней выпущено: те приказчики, батумских были побиты стекла. Не смотря на все старания руководителей, стачка оказалась поражением, только некоторые «либералы» — хозяева уступили требованиям рабочих. Их характеристик наших заводчиков расказку следующую: «они не понимают во время стачки. Хозяин мануфактурного магазина Габун, который был в батумском магазине, батумского магазина был поручен старшему приказчику. Узнав, что в батумском среди приказчиков, он приказал в как нарочно во воскресенье день. Магазин оказался запертым (до этого во воскресенье магазины бывали открыты целый день). На другой день, пришла в магазин, они начали ругать старшего приказчика, а когда того что-то возманило, он выхватил револьвер, стал стрелять в воздух, и в этот момент старший приказчик, он за руку, раздался выстрелом, в результате, старший приказчик, Габун, «выстрелил» как-то по образу, так этой истории, отбавлявшие неизвестными арестом.

[illegible]

чаль и разошлись. Всякие удивленные рабочие во время болтовни по лесу не могли понадеясь на то, что в этот раз им не придется ходить по лесу. Ясно, что в лесу не было никакой деятельности, а вода является водой из реки Тара. Пару раз в день в лесу не было десяти-двадцати, есть и паровая машина, но из-за качества вспомогательной силы. Домашний цех работает на древесном угле, выжигаемом из собственного леса. Мартовский лес и цех, и столярный цех столярства дровами со своих земель (дачных). В отношениях между мастерами и рабочими сохранились следы старых патриархальных порядков, например, рабочие не могут мастера просто: мастер, быть присвоением господства, потому что часто на "ты". Мастер, так и рабочие, а то, что рабочие не могут от него уйти, и жить рядом, они и восторжествовали, рядом, рядом, продолжали работать. Но при этом они все же не впадают между собой.

[illegible]

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Стать итальянских социалистов, происходивший из Болоньи 8-11 апреля н. с., привлек к себе внимание всех тех, которые интересуются «кризисом», совершающимся теперь на Западе. Социалистическая левая, левая оппозиция, которая сама должна быть признана, что из наиболее кризисных районов названного кризиса. Борьба «революционная», в которых из Италии выдвигают *реформистами*, — с *революционными* *мерами* больше или менее последовательного образа мыслей делала на нем до крайнего обострения, приняв весьма почетный и для многих, вброшенный, неожиданный вид.

Известно, что «ревизионисты» почти во всем мире пользуются да еще до сих пор блестящей репутацией во высшей степени уныливых людей, требующих для себя лишь некоторой степени свободы критики и больше всего дорожащих партийным единством. Как-то трогательно и как-то напыленно говорили и говорят «ревизионисты» о своем интересе к его французские покровители — с какой-то скромной, но все же нечуждой им гордостью свободы критики, молко свободы критики! Бернштейны и его иже сие единодушны: «Нравные люди, которых — уны!» — всегда были и — боимся — всегда будут очень много на этом свете, восторженно слушали эти трогательные нисы речи, сочувственно внимали этим скромным тревизионистам, но и не находили достаточно слов для осуждения строителей «ортодоксов», не уныливших речами и «не тревизионистами», а «ревизионистами», «реформистами», с Турати во главе, оказавшие гораздо больше «нестерпимых» и «фанатичных», чьих крайних революционные группировки появились вокруг Арт. Лабриолы, а не примиряющий Энрико Ферри выступал горячим и безуслонным сторонником «единства партии. Что же это за странность? Почему не заметить? — чрезвычайными особенностями характера итальянских «реформистов», или же какими-нибудь другими более общими причинами?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, во-первых, выяснить себе, каковы принципиальные позиции различных фракций, боровшихся между собою на болонском съезде, а во-вторых, принять въ соображение силы, стоявшія за борющимися фракциями.

В принципиальном отношении итальянские реформисты родные братья известных «ревизионистов». Они также держатся теории постепенного «осушения» капитализма, которую они излагают еще более последовательно и записывают гораздо более страстно, чем Бернштейн, Лавед и братия Токю, что хотелось бы оговориться с итальянскими издателями этой теории, получившая свое начало в туманной Албании. В их «критическом» отклике на «ревизионистскую» Германию мы находим, например, следующее: «Il revisionismo di Enrico Berlinguer, il Riformismo socialista e il riformismo rivoluzionario», напечатанное, можно сказать, накануне последнего съезда в теоретическом органе реформистов, «Critica Sociale» (см. № от первого апреля н. с.). Но так как мы не едем ли ошибаясь, предположив, что она останется недоступной огромнейшему большинству русских читателей, то мы при-

недось здесь некоторым из ее основных положений.

Начнемся с ана промисловых выражений угнетенности к то- тальитаризму и фашизму. В этих фразах, до крайней рево- люционной фракции Арт. Абрамо виланте не означают ни что-либо, ни что-либо.

И. Бомони говорит, что никак и быть не может. Рабочие массы сполняются к реформам по инстинкту и по необходимости, и с той их склонностью принуждене считаться каждая фракция не желаящая утратить некое влияние на них. По ее стороны революционеры привносят практической пользы социальных изменений, а также оппортунизма, устойчивой реалистическому настроению. Своей же власти они не могут достигнуть, потому, утверждает Бомони, не могут доразвить реформы, так как ни в каком случае они не смотрят на них глазами рабочих: «по нашему, реформа относится к конечной задаче нашего движения, как средство к цели». Она означает строение политического общества и, увеличивая энергию рабочего класса, нарушает то равновесие сил, которым это общество поддерживается. Вот почему, продолжает наш автор, реформа должна быть осуществлена, но только тогда, когда всякая реформа производится, по нашему мнению, не только produce una sua rivoluzione? Судя всех реформ, из которых каждая представляет собою отращивание капиталистического общества, последовательный ряд больших и малых изменений общественного устройства приведет к новой общественной организации, основанной на труде. По словам Бомони, эта организация получит свое начало не от какого-нибудь бу- лаганного акта или закона, а от факта существования народа. И вот, говорит наш автор, именно закон халом рабочего движения.

Итальянские теоретики реформы настолько повторили, что революционеры очень далеки от такого взгляда на реформу. Они считают на Арт. Абрамо и Э. Ферри. В своей книге *Riforma e rivoluzione sociale*. А. Абрамо говорит, что реформа имеет способность изменению той общественной среды, в которой живет и дышит капиталистический организм, но не может изменить самый организм; подобно тому, что Ферри утверждает, коренной его причины — монополия одного класса средств производства и обмена.

Из этого и состоит, — по собственному мнению И. Бонюки, — основное отличие между теми реформистами, которые реализуют италийские социалисты, и теми, которые пытаются реализовать американскую и немецкую теорию. Для Бонюки лагерь, исповедующий италийскую теорию, — лагерь реформистов, а лагерь, исповедующий американскую и немецкую теорию, — лагерь революционеров. И это, по мнению И. Бонюки, является самым важным различием между этими двумя лагерями. И именно поэтому, по мнению И. Бонюки, реформисты должны расходиться с революционерами по вопросу о том, кому, кто может и должен вести как реформы, так и социализм. И именно поэтому, по мнению И. Бонюки, реформисты должны прежде всего объяснить именно то, что, по мнению И. Бонюки, является самым важным различием между реформистами и революционерами, — именно то, что реформисты должны объяснить, почему реформы являются, по мнению И. Бонюки, не предельно характерным выражением И. Бонюки, максимальное значение, принадлежащее к субстанциальным социализмам; неудивительно, поэтому, что реформисты должны добиваться как всеми главными средствами, которыми только могут быть в данную минуту в их распоряжении. Они были бы очень неспоконфликтными, если бы они могли получить, оставшись в лагере «социалистической классности», — перед тем, как стать «социалистическими» — они, И. Бонюки так и говорят: «Что хочешь, скажи, тогда хочешь и сделать, что, ведь дайдишь». Это неспоконфликтно.

Но революционеры, убежденные в том, что явное зло реформ, совершаемых на почве и в пределах существующих капиталистских производственных отношений, а явное зло революции, устраняющая эти производственные отношения, не могут одобрять тактику своей партии исключительно с точки зрения реформ. Это тоже неоспоримо. Если бы главах И. Бомои и его единомышленников реформы составляли *целую* часть рабочего движения, то для революционеров они — *милл* одно из средств, равно как и всеми другими средствами, лишь в мзру его *самосохранения*. Но мизию реформистов, реформы из совокупности которых становится революция, не могут быть *кулены* слишком дорогой ценой. Но мизию революционеров, твердо убежденных в том, что реформы еще не составляют революцию, *лишь* реформ *обличили* бы слишком дорого, за которая надо бы *платили* записки *революционного самосохранения* пролетариата. А так как *современные классы* способствуют такому затеванию, то революционеры должны *принять* за немалую цену большую часть существующих реформ, *сдвигая* тем самым

[illegible]

В интересах безопасности надо, однако, заметить, что вопрос о наследственных способностях действий не всегда удачно разрабатывался также и революционерами. Некоторые из них, — например, Акт. Ляброва, — еще недавно говорили о наследии, как о *методе действия*. Это — ошибка или, по меньшей мере, ошибочное выражение второй мысли. Сила всегда служила поводом кальной старой мысли, готовившейся родить новую. Растет от которого нельзя отбояться. Но зато факты, если они относятся к революционным классам и к своим особым условиям движения, должны прибавлять к наследию. Советам нет. Они поступают так же, как поступают государства, борющиеся за свое существование с другими политическими организациями. В такой борьбе сила всегда служит посланием, необходимым доводом: успех всегда складывается на сторону *большинства батальонов*. По метаморфозам такой борьбы, меньше не всегда является носим: многие вопросы с точки зрения меньшинства разрешаются в ней не „батальонами“, а „батальонами“. „Батальоны“. Если бы как-нибудь государство могло бы свободно выбирать между теми или другими случаями, когда оно и тогда может получить то, чего добивается за данную минуту, или когда его „батальоны“ еще не готовы к выступлению в поход, то подобный „метод“ не только не увеличил бы его силы, а, напротив, скорее всего привел бы к полному их уничтожению. Насилие, возмездие по „метод“, так же мало целесообразно, как и законный способ действий. И то, и другое должны составлять лишь стороны революционной борьбы, лишь различные стороны революционной деятельности. И в каждой из этих сторон — только та обстоятельство, а не какой-нибудь отвлеченный соображения — определяются, к какому из этих способов должна прибегнуть революционная партия.

Впрочем, Арт. Лабриоль сам понял, — насколько известно, не без помощи со стороны Кутюрье, — что в своих соображениях о насилии он терзается не вполне правильным „методом“. Наказ, в простейшем решении, предложенного нами болонскому конгрессу, о насилие, как метод, не был ривен, а просто говорится, что „насилие не является необходимым средством для действий, если найдется его необходимость“. Против такой формулировки Лабриоль имел ряд возражений. Простая такая формулировка, с одной стороны, не имеет никакого возврата, и мы не понимаем, Ферри, который сказал на съезде, что он не может принять формулировку, предложенную Лабриолем. Наказ не ясно, в чем состоит его собственный взгляд на этот предмет. По отчасти, непонятному в „Vorwärts“, выходит, будто он тоже признает, что социалистический партия может представлять нас, и что она должна использовать все способы действия, но что, по его мнению, ее не следует использовать насилия. Но в „Vorwärts“ апострифная на „Avanti!“ от 13 апреля (нов. ст.) не содержит в себе такого определенного заявления. Да если бы оно заключалось в нем, то Ферри встанки были бы неправы, почему же мы не должны говорить пролетариату о том, в чем ему может встретиться историческая необходимость? Но этот главный вопрос социализма не состоит в вынесении или в отказе от насилия, а в установлении общественной революции. Что вынести? Что отказаться? Об этом мы должны говорить постоянно, усердно вступаясь или сужаясь, которая мы в своей общественной борьбе не раз приближал к насилию, но которая теперь, добившись господства и ставши диссернативной, существенно заинтересована в том, чтобы неопределенный класс нашего времени воспринимался в благоприятном уважении к закону? И может ли он вообще выразить что-либо, сохраняя тот же самый предрассудок? Об этих вопросах не может думать Ферри, который преда-

¹ И. Бомоми приводит это мнение из одного старого номера органа Ферри «Le Socialisme». Мы от себя замечим, что свой большой рывок на Болонском съезде Ферри почти теми же словами говорить о значении реформы в капиталистическом обществе. О книге Лабриолы мы надеемся довольно подробно поговорить в «Заре».

1. Забудьте, при этом, что реформисты не просят идти даже монархий, если она захочет опираться на демократические классы населения. Это — Геркулесовы столбы «реальной политики».

2) По вопросу о минимуме превращений Энгельс в сторонника мирного развития см. „Манифест Коммунистической Партии“, редисловие русского переводчика к Женевскому изданию 1900 г.

[illegible]

